

Виктория Шнайдер
Екатерина Мелкова

УКРАДЕННОЕ ИМЯ ЛЮБОВЬ НАСТОЯЩЕГО МУЖИКА

Екатерина Мелкова

**Украденное имя. Любовь
настоящего мужика**

«Автор»

«Автор»

2026

Мелкова Е.

Украденное имя. Любовь настоящего мужика / Е. Мелкова —
«Автор», «Автор», 2026

Она — гениальный биохимик, укравшая у олигарха правду. Он — мастер-маслобойщик с руками богатыря и сердцем льва. Когда Майя врывается в его жизнь, спасаясь от погони, Прохор готов защитить её от всего мира. Но сможет ли хрупкая учёная стать хозяйкой дубовской усадьбы? И хватит ли у них сил противостоять корпорации, чтобы сохранить любовь и возродить древнее ремесло? История о том, как настоящее чувство сильнее огня и яда, а чистое масло и чистое сердце побеждают ложь.

© Мелкова Е., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ночной заслон	6
Глава 2. Живое золото	10
Глава 3. Хозяйский ключ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Виктория Шнайдер

Украденное имя. Любовь

настоящего мужа

Украденное имя. Любовь настоящего мужа

Виктория Шнайдер

Екатерина Мелкова

Глава 1. Ночной заслон

Я бежала по колее. Холодная жирная глина чавкала под подошвами, пытаясь сдернуть с ног промокшие ботинки. Дождь хлестал наотмашь — злой, секущий, пахнущий прелой ольхой и речной стынью. Осенний ветер швырял в лицо мокрые пряди, залеплял глаза, забивался под воротник плаща.

Пальцы правой руки одеревенели, превратившись в негнущиеся крючья. Они намертво вцепились в ребристую ручку дюралевого кейса. Семь лет. В этом тринадцатикилограммовом ящике лежала вся моя жизнь: расчерченные от руки хроматографические профили, температурные карты холодного прессования, микробиологические посевы и четыре патента на ферментную очистку масличных зародышей. Все, что олигарх Горин рассчитывал забрать даром, объявив меня воровкой в собственном институте и пустив по следу цепных псов.

Позади хищно взревел форсированный дизель. Два ксеноновых клина полоснули по тучам, осветив косые струи ливня. Внедорожник ЧОПа шел на пониженной передаче, взрывая колею всеми четырьмя колесами. До него оставалось около четырехсот метров.

Дорога резко огибала глубокий меловой овраг, где шумела вспухшая от ливня река Тихая Сосна. Бежать по насыпи значило оказаться в перекрестье фар. Я свернула на скользкий глинистый откос, надеясь срезать мыс и выскочить к селу.

Нога тут же сорвалась.

Пласт чернозема с чавканьем ушел из-под каблука. Земля ухнула вниз, и я покатила по мокрому склону прямо к речному водовороту. Кейс рванул мою руку вниз. За долю секунды до падения в ледяную стремнину я развернулась на правый бок, впечатала кейс в живот и вытянула левую руку, вслепую шаря по осклизлой круче.

Пальцы наткнулись на узловатый корень дикого шиповника. Обломок разордал ладонь до крови. Боль отрезвила меня. Я зашипела сквозь зубы, уперлась носками в твердую прибрежную гальку и замерла над самой ревущей водой.

Над головой хрустнул гравий под тяжелыми шинами джипа. Луч прожектора скользнул по верхушкам кустов, в двух метрах над моей головой.

Сделав вдох, я перехватила корень повыше и поползла вверх по откосу, волоча за собой кейс. Ногти забились землей, по подбородку вместе с каплями дождя стекала кровь из разбитой губы.

Когда я перевалила через гребень, сквозь пелену водяной пыли открылись они — теплые, густо-янтарные окна работающей мельницы. За стеклами колыбался живой свет. Ветер донес ошеломляюще густой запах: жареного льняного семени, теплой ржаной мякины и свежей дубовой стружки.

Маслобойня Прохора Дубова.

Я вскочила на ноги и побежала.

Влетела в узкий проулок между вековыми дубовыми тынами и штабелями кругляка. До спасительных ворот под навесом оставалось шагов пятьдесят, когда сзади взвыл мотор. Джип вылетел из-за поворота, ослепил меня дальним светом и юзом встал поперек проулка, перекрывая бампером дорогу.

— Стоять, дура! — донеслось сквозь шум дождя.

Я резко пригнулась и на полном ходу протиснулась в полуметровый прогал между штабелями липовых бревен. Кора содрала пуговицы с плаща, рванула полу, но я выскочила на ту сторону.

Хлопнули двери внедорожника. В темноту выпрыгнули двое.

Я бросилась к освещенному пятаку перед воротами, но из-за крайнего штабеля выросла широкая фигура. Наемник с бритым черепом и уродливым рваным шрамом через всю щеку — тот самый Шрам, что вел слежку от вокзала.

Он осклабился и сгрел меня за намокший шарф: — Допрыгалась, кандидат наук? Шеф велел железку забрать, а тебя упаковать по-тихому!

Удушающая петля сдавила горло. Перед глазами поплыли багровые круги. Страх выгорел, уступив место холодной ярости. Я стиснула зубы. Перехватив кейс обеими руками снизу, вложила в движение весь вес своего падающего тела и со всего маху впечатала окованный угол чемодана прямо в тыльную сторону его кисти — туда, где сходятся пястные кости.

Раздался сухой хруст.

Шрам взвыл по-звериному, разжимая перебитые пальцы. Шарф порвался. Бандит согнулся, прижимая покалеченную кисть к животу, а я рванула к тяжелому крыльцу ворот.

Сзади топотал второй налетчик. Кованый берц ударил в ступеньку за спиной. Мокрая пятерня скользнула по капюшону. Я всем телом навалилась на полотно калитки, нащупала литое медное кольцо-стукало и изо всех сил заколотила им по дубовой плахе: — Откройте! Помогите!

Преследователь навалился сзади, вбивая плечо в створку: — Молчи, тварь!..

Я вывернулась из-под его локтя и упала у самого косяка.

В ту же секунду мир содрогнулся.

Дубовая калитка с оглушительным треском распахнулась наружу. Колоссальный удар изнутри двора вышиб полотно настежь. Наемника, навалившегося на створку, смело, как сухого жука, и с хлопаньем швырнуло спиной в лужу.

В проеме ворот, на фоне янтарного света, стоял человек.

Широченный в кости, под два метра ростом, в овчинной безрукавке поверх домотканой рубахи с закатанными рукавами. Предплечья толщиной с бревна были покрыты светлым жестким волосом и бурыми пятнами застывшего льняного масла. Рубленое лицо с глубокой складкой меж бровей и ясные серо-синие глаза. Он смотрел на Шрама.

Шрам прижал поврежденную кисть к животу и левой рукой выхватил из кобуры короткий вороненый ствол: — Стоять, мужик! Отойди от девки, пока кишки не выпустил!

Я инстинктивно сжалась на мокрых досках, закрывая кейс. Мужчина встретил взгляд Шрама. Его низкий бас отозвался в моих ребрах тяжелой вибрацией: — Оружие на моей земле достал? Зря.

Он сделал короткий шаг. Рука метнулась вперед — Прохор сжал запястье Шрама, вывернул кисть книзу, и пистолет со стуком ушел в придорожную жижу.

Второй бандит с монтажкой кинулся на великана сбоку. Прохор развернулся к нему: левой рукой подхватил меня за талию, словно пушинку, и одним движением перенес за свою широкую спину на сухой настил сеней. А правый кулак размером с чугунный утюг вошел точно в солнечное сплетение нападающего.

Амбал захлебнулся вздохом и кубарем покатился по ступенькам назад, рухнув прямо на корчащегося Шрама.

Прохор шагнул в сени, захлопнул створку и опустил тяжелый дубовый засов в кованые скобы. Шум дождя и брань наемников отсекались толщиной столетних плах.

В предбаннике пахло сухим сеном, жареным льняным семенем, воском и горячим металлом. Нас окружила плотная тишина.

Прохор повернулся ко мне. Медленно опустил взгляд на мои руки, крупно дрожащие на замках кейса. Сделал полшага, накрыл мои ледяные пальцы своей огромной, шершавой и обжигающе горячей ладонью. — Дыши ровнее, хозяйюшка, — негромко произнес он, и в его голосе прорезалась глухая теплота. — Ты на маслобойне Дубовых. Здесь ни одна тварь тебя пальцем не тронет.

За засовом все еще кричали. Я прислушивалась, пока Прохор стоял рядом.

Горло сдавил спазм, слезы обожгли веки, но я сглотнула комок и только кивнула, глядя снизу вверх в его лицо. Он ждал, пока я справлюсь с дрожью.

— Идем в контору, — он взял у меня чемодан; его рука чуть опустилась под тяжестью кейса. — Чаю горячего хлебнешь. Руки совсем синие.

Он повел меня в боковую пристройку. Здесь стоял массивный липовый стол, пузатый медный чайник и лавки, покрытые половиками. На полках вдоль стен выстроились десятки банок с зерном.

Я опустилась на лавку, чувствуя, как по ногам разливается свинцовая слабость. Прохор поставил кейс на верстак и потянулся к кружкам.

И в этот момент с тыльной стороны конторы, выходящей в яблоневый сад, раздался звон разбитого стекла. Оконная рама со скрежетом подалась внутрь. Снаружи загрохотали тяжелые удары лома: кто-то взялся за замок черного хода. Прохор повернул голову на звук. — Матвей! — крикнул он в коридор, распахивая внутреннюю дверь. — Держи внутренний засов у веялки! Я их на крыльце прижму!

Он вихрем вылетел в сени, принимая на себя лобовой удар. Дверь захлопнулась, и я осталась одна.

В раме разбитого окна показалась коренастая фигура второго бандита в черной балаклаве. В руке тускло блеснуло лезвие охотничьего ножа. Он выбил штапик локтем и перевалялся через подоконник прямо в комнату. — Отдай кейс, тварь! — прохрипел он, выбрасывая нож вперед. — Отдай по-хорошему, шеф тебе жизнь оставит!

Он двинулся на меня, загоняя в угол. За семь лет в лаборатории синтеза я привыкла работать с кислотами и летучими эфирами, где малейшая паника означает гибель. Мой взгляд метнулся по полке над верстаком. Там стояла трехлитровая бутылка из темного стекла с надписью: «Изопропанол техн. 99.8%» — растворитель для промывки деталей пресса.

Я шагнула к полке и обхватила бутылку.

Левая рука сорвала пробку, а обе ладони подхватили тяжелое горлышко. Наемник сделал выпад, метя острием в мое предплечье. — Жри, мразь! — выкрикнула я с яростью, которой сама от себя не ждала.

И с полуметра плеснула струю чистого спирта прямо в прорези его балаклав.

Концентрированный спирт ударил ему в раскрытые глаза. Наемник захлебнулся криком — надрывным воем ослепленного зверя. Нож со стуком выпал из пальцев на пол. Бандит закружился на месте, судорожно вцепившись руками в маску и срывая мокрую ткань с лица. — Глаза! Мои глаза!..

Он вслепую махнул кулаком, сшибая кружки со стола. В углу у верстака стоял короткий граненый клин из мореного дуба — тяжелая выколотка, которой осаживают станины. Я подхватила ее обеими руками, уперлась ногой в пол и с широкого замаха вбила торец точно в коленный сустав налетчика.

Раздался сухой хруст.

Колено вывернулось вбок. Бандит взвыл во второй раз, завалился спиной назад на низкий подоконник и с тяжелым грохотом вывалился наружу, в яблоневый сад — под ноги выскочившему из-за угла Прохору.

Я подошла к окну, тяжело дыша и сжимая дубовый брус.

В саду развязка заняла секунды. Шрам, баюкая сломанную руку, пятился к забору. Увидев, как из окна вылетел напарник, он замер. Прохор переступил через лежащего. Подойдя к Шраму, он отшвырнул ногой лом и взял главаря за ворот куртки. Легко оторвал стокилограммового мужика от земли и поднес к своему лицу: — Передай своему Горину: если хоть одна его шестерка ступит на дубовскую землю ближе чем на версту — я сам приеду в Москву. Войду в его стеклянный кабинет и сверну ему шею прямо в кресле. Понял меня?

Шрам судорожно закивал, хрипя.

Прохор разжал пальцы. Наемник рухнул на четвереньки, ухватил здоровой рукой ворот воющего сообщника и поволок его к пролому в тыне. Через минуту со стороны дороги донесся визг пробуксовки, рев мотора, и фары внедорожника растворились в дождливой мгле.

Прохор поднялся в контору. Взглянул на лужу спирта на полу, затем на тяжелый дубовый клин в моих руках.

И тут запоздалый откат накрыл меня с головой. Колени подкосились. Пальцы разжались, брус покатился по половицам, и я начала оседать на пол.

Две огромные руки бережно подхватили меня под локти и усадили на лавку. Прохор опустился на колено передо мной. Впервые его суровые губы дрогнули в теплой полуулыбке: — Ну и хватка у тебя, девка. Таким клином у нас станины осаживают. А ты ему колено подломила. Тетради твои целы? — Целы, — выдохнула я. — Всё цело. — Вот и ладно. Значит, не зря кровь лили.

Прижав ладонь к замкам чемодана, я выдохнула, когда из главного цеха донесся протяжный металлический скрежет. Он нарастал, переходя в надрывный вой заклинившего мотора. Под потолком замигали лампы. Снаружи грохнуло, основной свет погас; остались красные лампы аварийного питания и желтое пятно над вторым прессом.

Из коридора выскочил дед Матвей — старый мастер-прессовщик с перепачканным сажей лицом: — Прохор! Беда! Молния в подстанцию влупила! Второй на резерв переключился, а золотник заклинило на полной подаче! Стрелка за красную черту ушла, шток давит без остановки!

В воздухе мгновенно появился едкий запах подгорающего льняного масла и перегретого железа.

Прохор сорвался с места. Я подхватила кейс с верстака и бросилась следом.

Посреди зала возвышался массивный трехтонный пресс № 2. Чугунная рубашка цилиндра мелко дрожала, по трубке у основания стекала горячая струйка гидравлического масла. Внутри находилась партия редчайшего белого льна — двести килограммов отборного семени.

Прохор подлетел к щиту. Нажал аварийную кнопку — насос продолжал выть. Он распахнул соседнюю коробку и рванул вниз рычаг отключения резервной линии.

Насос смолк. В трубах еще подрагивало запертое давление. Стрелка застыла за красной чертой.

Глава 2. Живое золото

Матвей вытер пот и схватил шестнадцатикилограммовую кувалду. — Всё, встал! Сейчас шпильку срублю, клин вышибу, оно и стравит! Он занес кувалду над стопорным пальцем станины.

— Стой! — закричала я, повисая на рукояти кувалды. — Не смей бить! Старик опешил: — Пресс разорвет к чертовой матери! — Если ударишь по шпильке под запертым давлением в пятьдесят атмосфер — срез вызовет гидроудар! — выпалила я. — Обруч лопнет, стальной осколок снесет тебе голову, а масло из трубки ударит прямо в тебя! Давление заперто в нижнем контуре!

Прохор шагнул ко мне: — Что делать, Майя? Говори, я сделаю. — Фонарь сюда!

Я поставила кейс на сухой край помоста, достала пирометр и спустилась в бетонный приямок под основание пресса. Вода с машинным маслом хлюпнула вокруг ботинок. Луч лег на нижний распределительный узел.

На табло вспыхнуло: 44,8 °С.

— Прохор! Гидроузел перегревается! Если тепло пойдет к чаше, загубим холодный отжим! Заклинило нижний обратный шариковый клапан в резьбовой муфте!

— Чеку надо рвать! — прогремел Прохор.

Он спрыгнул рядом, подняв брызги. В тесной нише его плечо прижалось к моему, обжигая сквозь рубаху яростным жаром тела. В руках у него был полутораметровый лом. Прохор загнал жало в проушину нижней спусковой чеки, уперся сапогами в швеллер и навалился всем весом.

Лом согнулся дугой. Жилы на шее Прохора вздулись канатами, зубы сжались со скрежетом. Шток клапана заело: ржавчина держала его в направляющей. — Не идет... — прохрипел он. — Намертво села!

Пирометр пискнул: 45,2 °С.

Я высветила проржавевшую направляющую клапана и показала Прохору узкое место. — Держи натяг, Прохор! Не отпускай!

— Матвей, холодную воду и ветошь!

Он спустил ведро. Я обмотала мокрой тканью выступающий шток, охлаждая его, а Прохор удерживал натяг. Вода потекла по железу к моим ботинкам. Я отвела свет фонаря, показала Прохору, куда повернуть лом.

В направляющей шелкнуло.

— Давай, Прохор! Рви!

Прохор издал яростный рык и нанес взрывной толчок корпусом.

Стопорный палец вышел из гнезда, клапан поддался. По сбросной трубке масло с шумом пошло в расширительный бак. Стрелка манометра покатила вниз: сорок атмосфер... тридцать... двадцать восемь!

— Вентиль перекрывай! — крикнула я.

Прохор подкрутил маховик байпаса. Шипение стихло. Стрелка замерла на двадцати восьми атмосферах, у рабочей отметки этого пресса. Я направила пирометр на чашу: тридцать два градуса.

Партия выдержала. Мы успели.

В цеху наступила звенящая тишина. Матвей судорожно заглянул в смотровую щель бочки: — Живо?.. Неужто спасли?..

Прохор выпрямился. Лицо его было перепачкано копотью, мокрая рубаха липла к мышцам. В полумраке его глаза полыхнули таким неистовым восторгом, что у меня перехватило дыхание.

Он протянул руки, обхватил меня за талию и легко выдернул из приямка на чистый помост. На одну долгую секунду прижал меня к своей широкой груди. Я ощутила гул его сердца и пьянящий запах — мужской пот, полынь, гроза и чистое тепло живого дерева.

— Живо семя, Матвей, — глухо произнес Прохор, глядя мне прямо в глаза. — Двести килограммов алтайского белого льна спасла. Если б не Майя — золу бы мы сейчас по двору собирали.

Он медленно разжал ладони, словно неохотно выпуская меня. Я поймала себя на том, что тянусь к нему вслед. — Отсоедини неисправную станцию, Матвей, — скомандовал Прохор. — Дальше ручным насосом. Свет от генератора дадим.

Матвей поднялся к щиту, а я осталась у чаши следить за температурой.

Через двадцать минут на дворе заурчал дизель-генератор, зажегся теплый свет.

Матвей вытер потеки с основания пресса. Спасенное зерно оставалось в дубовой чаше, выстланной конопляным полотном. Прохор качал рычаг ручного насоса; деревянный шток медленно опускался на семенную подушку.

Матвей притащил широкое оцинкованное ведро: — Подставляю, Прохор! В цистерну солью! — Стоять, — я решительно отодвинула ведро. — Никакого цинка. Это ведро для воды, а нам нужна чистая пищевая емкость. И никакой общей емкости. Первые струи — это зеркало партии.

Я поставила под желоб стерильную двухлитровую чашу из оптического стекла. Прохор усмехнулся в усы: — Делай, как технолог говорит. Майя здесь порядок держит.

Прохор подошел к чугунному маховику подстройки. Его пальцы мягко легли на обод. Он словно слушал дыхание векового дерева: — Пошло.

Из дубового носика показались первые тяжелые капли. Сначала мутноватые — выходила микроскопическая восковая взвесь с оболочки. Прохор уловил это мгновенно, повернул маховик на четверть оборота, сбрасывая скорость подачи.

Муть исчезла. И в чашу с тихим плеском ударил янтарный, прозрачный ручей.

Это было жидкое солнце. Оно светилось изнутри теплым медовым золотом, переливалось на свету, ложилось на дно бархатными волнами. Цех наполнился упоительным ароматом: запахло свежескошенным цветущим лугом, сладковатым миндалем, сырым лесным орехом и теплым подовым караваем из печи.

— Боже мой... — прошептала я, опускаясь на колени перед желобом. — Оно чистое. Какое прозрачное... Утром сниму профиль, проверю фосфолипиды.

Прохор сполоснул руки у умывальника, вытер полотенцем и встал рядом. Опустился на колено. Медленно протянул руку, коснулся подушечкой широкого пальца золотистой пленки на носике и поднял палец. На загорелой коже дрожала сияющая янтарная капля. Он поднес ее к моим губам: — Попробуй, Майя. Это твоё масло. Твоими руками спасено.

Я замерла. Воздух между нами стал горячим. Мое сердце заколотилось у самого горла. Я видела каждую черточку на его обветренном пальце, чувствовала исходящий от него жар. Вся городская настороженность растаяла без следа.

Я приоткрыла губы и кончиком языка коснулась теплой масляной капли на его пальце.

Мир словно исчез.

Вкус взорвался на рецепторах мягким шелковистым теплом. Сначала — нежная ореховая сладость, напоминающая кедровое молочко, затем — свежая луговая нота, и в финале — долгое бархатное послевкусие без малейшей горчинки. По телу прокатилась горячая живительная волна, ударила в виски, разлилась по венам сладким жаром.

— Невероятно... — сорвалось с моих губ. — Прохор... это шедевр.

Я подняла глаза и утонула в его взгляде. Его шершавый палец медленно, с пугающей нежностью провел по моей нижней губе, стирая золотистый след, и замер на щеке. Ладонь обжигала кожу. — Ты шедевр, Майя, — тихо выдохнул он.

Мы замерли в сантиметре друг от друга, дыша одним дыханием. Казалось, еще мгновение — и его губы найдут мои...

— Эй, мастера! — громыхнул от входа Матвей с двумя бутылками. — Через край пошло! Золото на пол льется, грех каплю уронить!

Прохор вздрогнул, глубоко вдохнул и медленно убрал ладонь с моей щеки, пряча смущенную улыбку. Он поднялся, подхватил бутылку и подставил горлышко под янтарный поток: — Принимай живое золото, Матвей.

Мы меняли бутылки по очереди, пока масляный ручей постепенно истончался.

К четырем часам утра вся партия была отжата: около семидесяти литров первозданного масла из белого льна стояли в темном стекле вдоль стены. Матвей ушел спать в сторожку.

Цех погрузился в полумрак. Прохор подошел ко мне со старинным керосиновым фонарем: — Пойдем со мной. Кое-что покажу.

Он повел меня в дальний угол цеха, отодвинул пустые мешки и открыл кованую дверь в полу. Пахло сухим известняковым холодом и вековым дубом. — Спускайся осторожно. Лестнице больше ста лет.

Я шагнула на винтовые ступени из дикого песчаника. На третьей ступеньке мокрый каблук поехал вбок. Я вскрикнула, теряя равновесие. Прохор среагировал мгновенно: перехватил дужку фонаря в зубы, а обеими руками подхватил меня за талию, прижав спиной к своей каменной груди. Моя голова запрокинулась на его плечо. Кейс, который я несла в свободной руке, стукнул о ступень и остался у площадки.

— Держу, — выдохнул он сквозь зубы, опуская меня на надежную площадку. — Не бойся. За плечо держись. Его пальцы на секунду сжались на моем боку, и по спине снова пробежала горячая искра.

Мы вышли в огромный сводчатый подклет девятнадцатого века. Здесь царил идеальный микроклимат: сухо, прохладно, на термометре у двери — плюс четырнадцать. Вдоль стен тянулись дубовые лари и старинные медные мерники.

Прохор подошел к массивному сундуку, окованному железом с заклепками в виде дубовых листьев. Капнул конопляного масла в навесной замок и с усилием провернул фигурный ключ. Замок отозвался чистым колокольным щелчком. Крышка откинулась. Сундук был изнутри промазан пчелиным воском для защиты от влаги. На восковой постели лежали мешочки с сургучом и футляр из синего бархата.

Прохор раскрыл футляр передо мной.

Внутри лежал массивный прибор из полированной меди: длинная граненая игла, корпус с часовым механизмом и круглый циферблат под выпуклым стеклом, где на рубиновых камнях дрожала тонкая стрелка. По ободу шла гравировка: «Тула. Мастеръ И. А. Воропаевъ. 1898 годъ».

Я коснулась металла: — Что это?.. — Семейный гидрошуп деда Савелия, — тихо сказал Прохор. — Дед полярником был, травы собирал, потом артель восстановил. Щуп старше деда. Ему от предков достался. Дед этим щупом пробы из бурта брал. По семени влажность чувал, маслячность. Умирая, мне ключ отдал. И сказал: «Придет день, внук, войдет в дом женщина с чистым сердцем и светлым умом. Ты ей щуп отдай. Она силу роду вернет».

У меня перехватило горло: — Прохор... это же родовая реликвия. Я не могу... — Можешь, — твердо оборвал он, вкладывая тяжелый футляр мне в ладони. — Теперь он твой.

Он развязал горловину одного из холщовых мешков. В свете фонаря блеснули крупные, перламутрово-белые продолговатые семена льна. Чистое серебро. — Белый лен деда Савелия. Дореволюционный сорт. Каждый год на семена лучшее откладываем. Проверь его, Майя. Жив ли?

Я принесла со ступеней оставленный там кейс и дрожащими пальцами достала медный гидрошуп. Тонкая игла вошла в толщу семян. Я повернула латунный винт, выдвинула пробник и стряхнула семена в чистую чашечку. Мой дорожный влагомер показал 6,2 процента.

Хорошая влажность для хранения. Всхожесть я проверю отдельно.

— Он сохранился... — выдохнула я со слезами облегчения. — Прохор, этот сорт считался утраченным! Если свойства сохранились, у нас будет основа для моих купажей. Поставлю пробы на проращивание.

И в этот миг сверху донесся тяжелый металлический стук. Шаги кованых сапог по доскам цеха.

Прохор среагировал мгновенно: подкрутил регулятор фонаря, гася фитиль. Подвал погрузился в бархатную тьму. Его рука обвила мою талию, увлекая за выступ каменного пилона. Сам он шагнул вперед, заслоняя меня от входа, и я услышала, как он выдернул из скобы полуметровый стальной засов.

Я затаила дыхание, вжимаясь в камень.

На лестнице раздалось тяжелое сопение... а затем громкое радостное повизгивание. На ступенях показался свет фонаря. Мокрый собачий нос ткнулся в ладонь Прохора. Следом простучал деревянный костыль: — Прохор, ты туточки?

Прохор шумно выдохнул, опуская засов: — Дед Трофим... Ты чего не спишь?

Старик-сторож с перевязанной ногой оперся на костыль. Поводок огромного косматого волкодава был обмотан вокруг его запястья, в другой руке он нес фонарь: — Да Буяна с цепи спустил, пошел проверить. Двор я запер, Прохор. На дороге тихо, уехал джип. Ложились бы вы, утро скоро. — Иди, Трофим, отдыхай. Сейчас поднимемся.

Пес лизнул Прохора в ладонь, вильнул хвостом мне и пошел за сторожем наверх. Прохор снова зажег наш фонарь.

Мы снова остались одни. Напряжение спало, оставив чистую нежность.

Прохор повернулся ко мне. В руке он держал ключ от родового сундука на толстой крученой медной цепочке. Подошел вплотную. Отвел в сторону мокрые пряди моих волос, завел руки мне за шею и бережно застегнул замочек.

Тяжелый теплый ключ опустился точно в ложбинку между моими ключицами, согреваясь жаром кожи. — Ты хранительница этого дома, Майя, — тихо сказал он, глядя мне в глаза. — Отныне и до века. Пойдем наверх.

Когда мы поднялись на крыльцо, восток уже занимался розовато-золотой полосой расвета. Ливень стих. Над рекой Тихая Сосна и мокрыми яблоневыми садами Дубовки поднимался густой туман, пахнувший озоном, хвоей и прелой листвой.

Прохор снял с крючка у двери тяжелый овчинный тулуп и бережно набросил мне на плечи. Сухое тепло и запах трав мгновенно окутали меня, прогоняя озноб. — Пойдем в избу, Майя. Акулина уже печь затопила. Отогреешься, выступишься. Ни одна живая душа тебя здесь больше не потревожит.

Я шла рядом с ним через умытый двор, чувствуя, как медный ключ мерно бьется о мою грудь в такт шагам. Страх растаял в тумане. Я была дома.

Перед тем как переступить порог избы, я невольно оглянулась на рассветную пойму за околицей. Далеко за рекой, у старого моста, сквозь густой туман и ветви мокрых тальников на мгновение полоснул мутный отблеск фар, и до слуха донесся тяжелый, приглушенный рокот мощного мотора. Я остановилась. Джип? Прохор проследил за моим взглядом и положил ладонь мне на плечо. — Я Трофиму скажу. Заходи. Я шагнула в тепло избы, а он остался на крыльце, всматриваясь в туман.

Глава 3. Хозяйский ключ

Я откинула край лоскутного одеяла и приподнялась на локте. За стеной звякал ухват о край чугуна.

Сквозь резные наличники высокого окна косыми широкими столбами лился золотой утренний свет. В солнечных лучах медленно кружились пылинки; я следила за ними, еще сонная. Пахло живой смолой, свежеспеченным ржаным хлебом, сушеной душицей и топленным молоком. Я лежала на широком деревянном ложе под легким, но на удивление теплым лоскутным одеялом. Стены из толстых ошкуренных сосновых бревен светились медовым янтарем.

Моя городская одежда, промокшая до нитки в ночной погоне, была бережно выстирана и аккуратно развешена на гладкой липовой перекладине у теплого бока печи. На лавке лежали мягкая байковая рубаша брусничного цвета, длинная шерстяная юбка и носки домашней вязки. Перед сном Акулина помогла мне переодеться и промыла ссадины; чистая повязка на ладони чуть тянула кожу. На груди мерно и надежно покачивался тяжелый кованый ключ на крученой медной цепочке — ключ от дедовского тайника, согретый жаром моей кожи.

Я натянула рубашу и юбку, сняла повязку перед умыванием и вышла в просторные бревенчатые сени. В углу, на массивной дубовой колоде, стоял пузатый медный рукомойник над деревянной лоханью. Пальцы все еще слегка подрагивали от мышечной усталости после ночной битвы у пресса. Латунный штырек заело, брусок домашнего мыла на полыни выскользнул из мокрых рук и с глухим стуком упал на дно корыта.

Я оперлась ладонями о край колоды и сделала глубокий вдох. «Ты справилась, Майя. Ты вырвалась. Ты жива».

Подняв заевший штырек, я подставила пригоршни под струю колодезной воды и плеснула в лицо. Вода обожгла холодом, вымывая из висков липкую городскую бессонницу. Я выпрямилась, чувствуя, как возвращаются силы.

Скрипнула тяжелая наружная дверь. На пороге вырос Прохор — в чистой холщовой косоворотке, расстегнутой у могучего ворота, с влажными после умывания русыми волосами. В руках он держал толстое белое полотенце с вышитыми по краям дубовыми листьями.

— Доброе утро, Майя, — голос его, низкий и грудной, отозвался приятной вибрацией в груди. — Не застудись. У нас в колодце жила из глубокого мела бьет, градуса четыре от силы.

Он шагнул ко мне, бережно накинул полотенце мне на плечи и, задержав большие теплые ладони на моих ключицах, мягко промокнул капли на моих щеках и подбородке. От его кожи пахло кедровой стружкой, морозным воздухом и медом. Он смотрел мне в лицо, придерживая полотенце у щеки, и я забыла убрать руку с его запястья.

Он помог мне снова забинтовать ладонь. — Пойдем к столу, — негромко сказал он. — Акулина уже извелась. Чугуны из печи летят.

Мы вошли в большую горницу. У беленой русской печи командовала дородная статная женщина в накрахмаленном платке — Акулина Савельевна Дубова, тетка Прохора, родная сестра его покойного отца Василия. В ее руках длинный железный ухват с шипящим чугуном казался легкой тростинкой.

Она резко обернулась. Взгляд темных глаз из-под соболиных с проседью бровей окинул меня с ног до головы: — Ишь, явилась беглянка городская. Тонкая, былиночка ветром шатает. Небось, кроме бумажек да стекляшек своих ничего в руках не держала? А ну, подсоби, коли не барыня. Ухват перехвати, пока молоко не сбежало!

Она протянула мне ухват, перехватив его почти у самого конца. Я привыкла к раскаленным печам и тиглям еще со студенческой практики. Через сухую прихватку обхватила нагревшееся древко поближе к чугуну, поддержала его снизу и вместе с Акулиной опустила на деревянную подставку. Молоко плеснулось у края и осталось в горшке.

Акулина удивленно вскинула брови и хмыкнула в угол платка: — Гляди-ка... Руки не из карманов растут. Хватка точная. Садись к столу, Майя. В ногах правды нет. Сначала накормим, а судить по делам будем.

На столе исходила паром рассыпчатая гречневая каша, стояли моченые антоновские яблоки, соленый творог и нарезанный толстыми ломтями темно-коричневый подовый каравай с хрустящей ноздреватой корочкой. Желудок сжал голодным спазмом после двух суток бегства на сухом пайке, деревянная ложка показалась тяжелой.

Прохор сел рядом со мной на лавку, подставив крепкое плечо. Взял глиняную бутылку с нашим вчерашним льняным маслом, щедро полил кашу в моей миске, а затем налил густую янтарную струю на ломоть хлеба, присыпав серой солью.

— Ешь, Майя, — тихо произнес он, пододвигая ломоть ко мне. — Наше масло живот врачует, силы возвращает. Ты вчера за троих у пресса отработала.

Я откусила хлеб. Теплый ржаной мякиш и ореховая шелковистость свежего масла взорвались во рту невероятным, густым вкусом. Спазм отпустил мгновенно, по жилам разлилось живительное тепло.

Акулина постучала костяшками пальцев по столу: — Матвей мне спозаранку все уши прожужжал. Баял, будто ты, девка, ночью налетчику в морду спиртом плеснула, да еще дубовым клином по колену приложила. Брешет старый или взаправду?

Я прямо встретила строгий взгляд Акулины: — Взаправду, Акулина Савельевна. Они пришли сжечь мои патенты и журналы семи лет исследований. В этих записях доказательства того, чем травят людей столичные холдинги. Я свой труд бандитам не отдам.

Акулина хлопнула себя по коленям и залиvisto рассмеялась: — Слыхал, Прошка?! Вот это по-нашему! Дубовская порода! Волчица за свое логово! Прохор, гляди мне в оба: такую девкупустишь — сам дураком на всю жизнь останешься!

Мои щеки вспыхнули румянцем. Непослушная темная прядь упала мне на лоб. Прохор медленно повернул голову. Кончики его мозолистых пальцев бережно заправили прядь мне за ухо, на секунду задержавшись у пульсирующей жилки на шее. Кожу обожгло сладким огнем.

— Не упущу, тетка, — негромко, но с железной непрекращаемостью отозвался он.

За окнами слышались мужские голоса и скрип телег. Артель собиралась на смену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.